

ОБЗОР ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ СООБЩЕСТВ АРГЕНТИНЫ И БРАЗИЛИИ

Глеб Петрович Пилипенко

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32 А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: glebpilipenko@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5422-0039

Сергей Александрович Борисов

младший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32 А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: s.borisov@inslav.ru
ORCID: 0000-0002-2321-9983

Владислав Алексеевич Немчинов

исполнитель проекта,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32 А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: vlad@gecko.ru
ORCID: 0009-0002-2775-1982

Аннотация

В статье обсуждаются результаты полевого исследования, проведенного в 2024 г. у славянских сообществ, проживающих в Аргентине и Бразилии. Целью экспедиции было установление первичных диалектных черт переселенческих славянских говоров, а также выявление и анализ контактологических особенностей, возникших под влиянием доминантных романских языков — испанского и португальского. В ходе экспедиции были исследованы говоры потомков славянских переселенцев в аргентинских провинциях Мисьонес и Чако, а также в бразильском штате Риу-Гранди-ду-Сул. Архив исследователей пополнился нарративами на русском, белорусском, украинском, польском, чешском, словацком и сербскохорватском языках. Установлено, что информанты используют, например, поднестровский диалект украинского языка, гродненско-барановичские говоры белорусского языка, южночакавские говоры хорватского. Фиксируются примеры фонетической, лексической и синтаксической интерференции. В частности, распространено явление бетацизма, а также субституция звука [с] звуком [s]. Отмечены многочисленные случаи переклочения кода, также адаптации романской лексики: чеш. *po čakrax* (исп. *chacra* ‘ферма’), укр. *f’izón* (порт. *feijão* ‘фасоль’), укр. *dósy* (порт. *doces* ‘конфеты, сладости’). Информанты рассказывают о традиционной духовной и материальной культуре тех регионов, где они проживают. Среди наиболее распространенных сюжетов встречаются истории о помберо, ловисоне, записаны также местные легенды о негритенке-пастухе и о традициях праздника Сан-Хуан (Сан-Жуан). Зафиксированы также рассказы о славянских традициях, о праздновании Рождества, Нового года, приготовлении праздничных блюд. Перспектива исследования заключается в составлении типологии контактных явлений в переселенческих славянских диалектах и славянской традиционной культуре под влиянием разных романских языков и традиций региона.

Ключевые слова

Полевое исследование, славянские языки, романские языки, диалект, языковые контакты, традиционная культура, Аргентина, Бразилия

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РФФ № 20-78-10030 «Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона»

Благодарности

Авторы выражают благодарность за помощь в проведении исследования З. Забчук, о. Пабло Коладжело, о. Бартоломе Овьедо, А. Миловичу, М. Капетанич, С. Лукасевичу, С. Книз, Ж. А. Заболоцкому, о. Олегу, О. Марусяк, Ж. Гжечиньски, Э. Ваштику

Статья поступила в редакцию 28 декабря 2024 г.

Статья доработана автором 3 мая 2025 г.

Статья принята в печать 10 мая 2025 г.

Цитирование: *Пилипенко Г. П., Борисов С. А., Немчинов В. А.* Обзор полевого исследования славянских сообществ Аргентины и Бразилии // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2025. Т. 20. № 1–2. С. 161–186. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.09>

A REVIEW OF FIELD RESEARCH AMONG THE SLAVIC COMMUNITIES OF ARGENTINA AND BRAZIL

Gleb P. Pilipenko

Ph. D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: glebpilipenko@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5422-0039

Sergej A. Borisov

Junior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: s.borisov@inslav.ru
ORCID: 0000-0002-2321-9983

Vladislav A. Nemchinov

Project Executor,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: vlad@gecko.ru
ORCID: 0009-0002-2775-1982

Abstract

The paper discusses the results of a field study carried out in 2024 among Slavic communities living in Argentina and Brazil. The purpose of the expedition was to identify the primary dialectal features of the migrant Slavic dialects, as well as to identify and analyze the contact features that arose under the influence of the dominant Romance languages — Spanish and Portuguese. During the field research, the dialects of the descendants of Slavic immigrants in the Argentine provinces of Misiones and Chaco, as well as in the Brazilian state of Rio Grande do Sul, were examined. The researchers' archive includes narratives in Russian, Belarusian, Ukrainian, Polish, Czech, Slovak, and Serbo-Croatian. The informants have as their basis eg. the Dniestrian dialect of the Ukrainian language, Hrodna-Baranavichy dialect of the Belarusian language, and South Čakavian dialects of Croatian. Examples of phonetic, lexical, and syntactic interference are recorded. In particular, the phenomenon of betacism is widespread, as well as the substitution of [c] with [s]. Numerous cases of code switching have been attested,

as well as adaptations of Romance vocabulary: cz. po čakrax (sp. chacra ‘farm’), ukr. f’izón (port. feijão ‘beans’), ukr. dósy (port. doces ‘sweets, candies’). The informants talk about the traditional spiritual and material culture of the regions where they live. The most common stories are about pombero, lobisón, local legends about a black shepherd boy and the traditions of the San Juan (São João) holiday. Stories about Slavic traditions, about celebrating Christmas, New Year, and cooking festive dishes have also been recorded. The perspective of the research is to elaborate a typology of contact phenomena in the migrant Slavic dialects and in the Slavic traditional culture under the influence of Romance languages and traditions of the region.

Keywords

Field research, Slavic languages, Romance languages, dialect, language contacts, traditional culture, Argentina, Brazil

Funding

The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation project No. 20-78-10030 «Language and cultural contacts during the social transformations among national minorities in Alpine-Pannonian region»

Gratitudes

The authors express their gratitude for assistance in conducting the research to Z. Zabczuk, Fr. Pablo, Fr. Bartolomé Oviedo, A. Milović, M. Kapetanić, S. Lukasevic, S. Kniz, J. A. Zabolotsky, Fr. Oleg, O. Marusiak, J. Grzeczynski, E. Vastik

Received 28 December 2024

Revised 3 May 2025

Accepted 10 May 2025

For citation: Pilipenko, G. P., Borisov, S. A., Nemchinov, V. A., 2025. A Review of Field Research among the Slavic Communities of Argentina and Brazil. *Slavic World in the Third Millennium*, 20 (1–2), pp. 161–186. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.09>

I. ВВЕДЕНИЕ. ГЕОГРАФИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ. ИСТОЧНИКИ

Изучение сохранности и функционирования славянских идиомов в странах Южной Америки планомерно осуществляется научными сотрудниками Института славяноведения РАН с 2015 г. Были обследованы славянские сообщества, компактно проживающие в Аргентине, Уругвае, Чили и Парагвае¹. В 2024 г. был продолжен сбор аудио и видеоматериала: научные сотрудники к. ф. н. Г. П. Пилипенко, С. А. Борисов и В. А. Немчинов с 9 августа по 12 сентября находились в экспедиции в Аргентине и Бразилии. Для обследования было выбрано несколько регионов: провинция Мисьонес и провинция Чако в Аргентине, штат Риу-Гранди-ду-Сул в Бра-

¹ См. напр.: Пилипенко Г. П. Экспедиция к славянам в Южную Америку // Славянский альманах. 2018. № 1–2. С. 289–300; Он же. Обзор экспедиции к восточноевропейским сообществам Аргентины и Уругвая // Славяноведение. 2025. № 1. С. 108–117; Pilipenko G. P. The Ukrainian Language in Argentina and Paraguay as an Identity Marker // Slověne. 2018. № 1. P. 281–307; Березнев В. И., Ясинская М. В. Рассказы о еде у русских эмигрантов в Аргентине и Уругвае (по материалам экспедиции 2023 г.) // Живая старина. 2024. № 2 (122). С. 53–57.

зилии. Целью экспедиции было выявление и установление первичных диалектных черт, характерных для конкретной славянской переселенческой общины, а также идентификация контактных явлений, возникших в результате непрерывных славянско-романских языковых контактов (с испанским и португальским языками в Аргентине и Бразилии соответственно). Интерес для исследователей представляют проживающие компактно потомки славянских экономических мигрантов, эмигрировавших из Европы до начала Второй мировой войны.

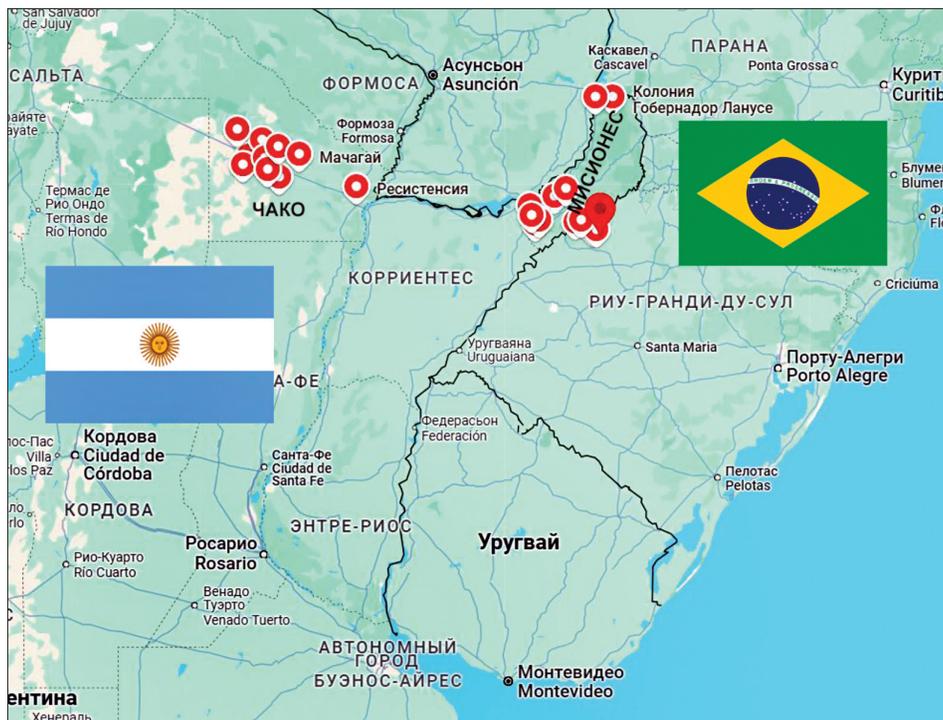

Рис. 1. Карта посещенных регионов Аргентины и Бразилии
Map of Visited Regions of Argentina and Brazil

Если ранее потомки славянских переселенцев и функционирующие в их среде языки в провинции Мисьонес неоднократно становились объектом изучения, то в экспедиции 2024 г. география славянских поселений и перечень самих идиомов были расширены. Так, впервые нами были обследованы славянские языковые сообщества в провинции Чако, а также в штате Риу-Гранди-ду-Сул. При этом следует сделать оговорку, что речь идет об ограниченной территории указанных регионов, где проживают потомки славянских мигрантов: в Мисьонесе (Misiones) научные сотрудники посетили северную (Ванда (Wanda), Лануссе (Lanusse)), центральную (Обера

(Oberá), Гобернадор-Лопес (Gobernador Lopez)), а также южную часть провинции (Трес-Капонес (Tres Capones), Асара (Azara), Сан-Хосе (San José), Апостолес (Apóstoles)). В перечисленных населенных пунктах проводилась работа с информантами белорусского, украинского (среди украинских информантов были носители южноволынского и поднепровского диалекта) и польского происхождения. Отметим, что север провинции был колонизирован позже всего, тогда как юг считается зоной ранней колонизации — конца XIX в. В провинции Чако (Chaco) работа проходила в столице региона — городе Ресистенсия (Resistencia), а также в центральной части (Саэнс-Пе냐 (Saénz Peña), Мачагай (Machagai), Ла-Монтенегрина (La Montenegrina), Пампа-дель-Инфьерно (Pampa del Infierno), Виллья-Анхела (Villa Ángela), Лас-Бреньяс (Las Breñas), Ла-Клотильде (La Clotilde), Корсуэла (Corzuela)). Здесь были записаны нарративы на чешском и словацком (впервые за все время экспедиций), сербскохорватском (от черногорцев, потомков выходцев из окрестностей Никшича, и хорватов, выходцев из Далмации)) и украинском языках (потомки переселенцев с Волыни). Впервые наша экспедиционная группа посетила Бразилию, где была обследована северо-западная часть самого южного штата страны Риу-Гранди-ду-Сул (Rio Grande do Sul), примыкающая к реке Уругвай, по которой проходит граница с Аргентиной, точнее — с провинцией Миссьонес: Кампина-дас-Миссойнс (Campina das Missões), Сан-Паулу-дас-Миссойнс (São Paulo das Missões), Санта-Роза (Santa Rosa), Бон-Жардин (Bom Jardim), Армония (Harmonia), Гуарани-дас-Миссойнс (Guarani das Missões). В этих населенных пунктах научные сотрудники зафиксировали речь информантов на русском, украинском и польском языках. Всего было опрошено более шестидесяти информантов, объем записанного материала составил более ста часов. С информантами проводились полуструктурированные интервью на темы истории переселений, семейных воспоминаний, материальной и духовной традиционной культуры с особым вниманием к типу ведения хозяйства и выращиванию сельскохозяйственных культур, характерных для определенного региона (напр., йерба мате, чай, хлопок, маниок, батат), кулинарным традициям, а также — к своим и заимствованным верованиям и обрядовым практикам, мифологическим сюжетам.

Численность самих сообществ, а также количество говорящих на славянских языках можно оценить лишь приблизительно, поскольку в переписях данная статистика не ведется². Здесь мы можем опираться на ста-

² Число сохраняющих славянские языки установить не представляется возможным. В большинстве случаев они сохраняются у выходцев из сельской местности и у собеседников старшего поколения. Большинство наших собеседников использует в повседневной коммуникации мажоритарный романский язык, даже в случае общения друг с другом, что наглядно свидетельствует о вытеснении славянских языков практически из всех сфер коммуникации. Возрастные, гендерные характеристики информантов, а также их принадлежность к тому или иному по счету поколению мигрантов в статье указаны после приводимых нарративов. Заимствованные элементы из испанского и португальского языков выделены курсивом.

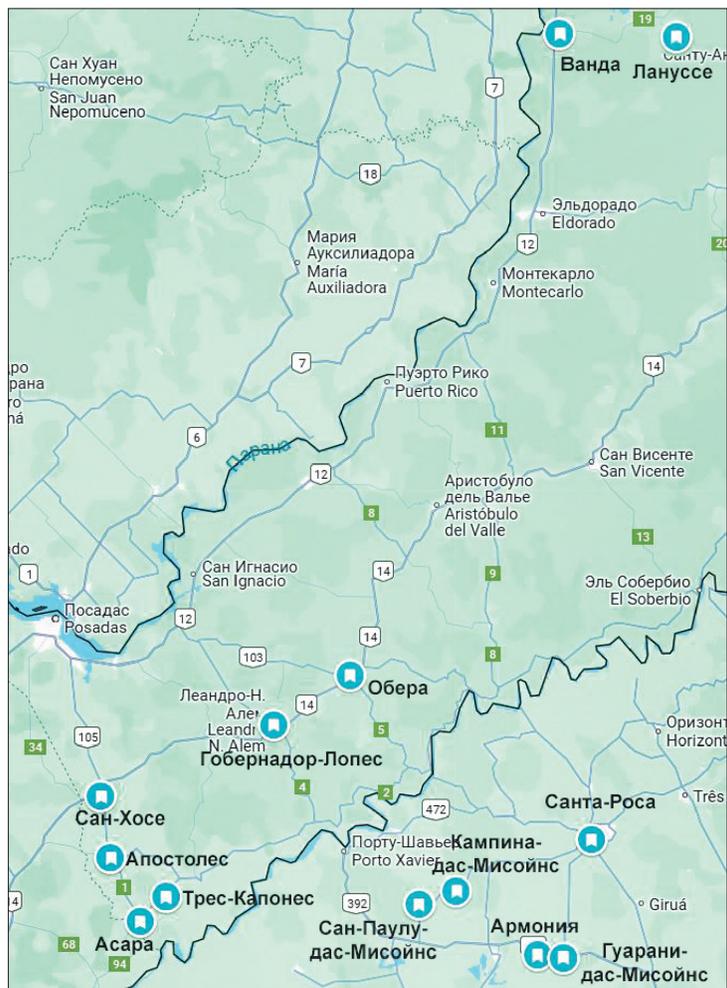

Рис. 2. Карта населенных пунктов, в которых проводилась работа в провинции Мисьонес (Аргентина) и штате Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

Map of the Settlements Where the Work was Carried Out in the Province of Misiones (Argentina) and the State of Rio Grande do Sul (Brazil)

тистику, приводимую в ряде научных работ (и, по нашему мнению, эти цифры весьма приблизительные, во многих случаях авторы не указывают их источник). Кроме того, невозможно сказать, каков процент представителей славянских диаспор по каждому конкретному населенному пункту: зачастую данные приводятся либо для всего сообщества, либо для регионального уровня. Отмечается, что в муниципалитете Кампина-дас-Мисойнс примерно 20 % (от 6 000 жителей) составляют российские имми-

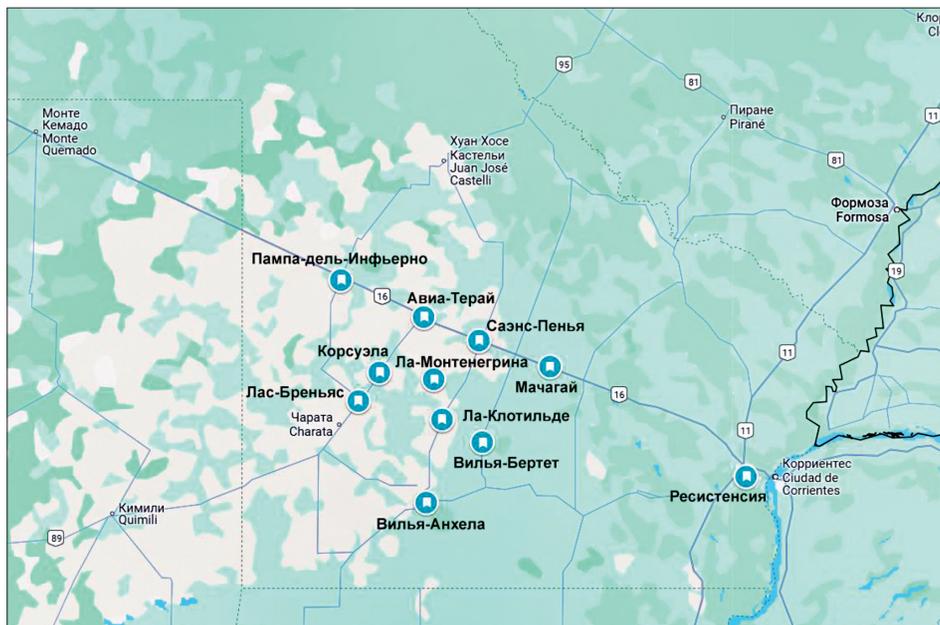

Рис. 3. Карта населенных пунктов, в которых проводилась работа в провинции Чако (Аргентина)

Map of the Settlements Where the Work was Carried Out in the Province of Chaco (Argentina)

гранты и их потомки³, поляки в штате Риу-Гранди-ду-Сул составляют 250 000⁴, тогда как в аргентинской провинции Мисьонес к 1939 г. (когда эмиграция из Польши прекратилась) насчитывалось 50 000 поляков и их потомков⁵. Во всей Аргентине число потомков чешских переселенцев на сегодняшний день приблизительно 100 000⁶, число потомков черногорцев в провинции Чако оценивалось в начале XX в. в 10 000⁷, в про-

³ *Заболоцкий Ж. А.* Русская иммиграция в Бразилии. «В долгий путь надежды». Santa Rosa/RS: Coli Grafica e Editora Ttda, 2009. С. 12.

⁴ *Linde Usiekniewicz J.* Sytuacja językowa Polonii brazylijskiej // Wybór tekstów polonijnych z Brazylii y Argentyny, pod red. S. Dubisz. Warszawa: Elipsa, 1997. S. 24.

⁵ *Porada K.* La etnicidad en el espacio publico. Los descendientes de inmigrantes polacos en la Provincia de Misiones // Runa. 2018. Vol. 39 (2). https://www.scielo.org.ar/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1851-96282018000200002 (дата обращения 12.12.2024)

⁶ *Hingarová V.* Periodizace českého (československého) vystěhoavectví v Argentině // Argentina napříč obory: současné pohledy. Olomouc: Univerzita Palackého, 2014. S. 157-186.

⁷ *Stojović G.* La inmigración montenegrina en Argentina y países aledaños. Estudio sobre montenegrinos en América del Sur. 2009. <https://montenegroargentina.blogspot.com/2009/08/estudio-sobre-montenegrinos-en-america.html> (дата обращения: 12.12.2024).

винции Мисьонес потомков украинских переселенцев насчитывается 75 000⁸.

По примеру прошлых экспедиций работа не ограничивалась интервью с собеседниками. В поселениях со славянскими сообществами были обследованы кладбища и задокументированы эпитафии на украинском, польском, словенском, чешском, сербскохорватском, русском, испанском и португальском языках (Трес-Капонес (православное кладбище), Асара, Гобернадор-Лопес, Ванда, Саэнс-Пенья, Ла-Монтенегрина, Кампина-дас-Миссойнс, Бон-Жардин). Всего было сделано более 3 000 фотографий.

Еще одним источником послужили частные семейные, музейные и церковные архивы, в которых содержатся письма, дневники, записи бухгалтерской отчетности, уставы организаций, фотографии. Большой удачей было обнаружить новые части дневника Кирилла Вознюка в семье его сына Николаса Вознюка в городе Обера. Дневник переселившегося с Волыни в конце 1930-х гг. Кирилла Вознюка ранее был опубликован с комментариями и переводом на русский язык⁹. Кроме того, стоит упомянуть произведение в стихах на сербскохорватском языке (на кириллице и на латинице), обнаруженное в городе Саэнс-Пенья. Написано оно в преддверии Второй мировой войны на политические темы. Особо отметим документы, обнаруженные в архиве церкви Санта-Роза и содержащие ценные данные по происхождению переселенцев в поселении Кампина-дас-Миссойнс (установлено, что это были переселенцы с Волыни, из Полесья, Гродненской губернии, Бессарабии, а также из Сибири). Богатая коллекция вышивок в традиционном чешском и словацком стиле с надписями на этих языках хранится в музее чешско-словацкого общества в городе Саэнс-Пенья.

Конфессиональные особенности также учитывались нами при проведении исследования, члены экспедиционной команды посетили храмы Русской православной церкви московского патриархата в Гобернадор-Лопес, Кампина-дас-Миссойнс, Санта-Розе, православную церковь в Трес-Капонес, подчиняющуюся Русской православной церкви за рубежом, Сербские православные церкви в Ресистенсии и в Мачагае (церковь в Мачагае изначально находилась в юрисдикции РПЦЗ).

В дальнейшем статья структурирована следующим образом. В разделах II, III, IV публикуются наиболее репрезентативные нарративы на славянских языках, записанные в экспедиции (критерии отбора представлены в сноске 11), с переводом на русский язык и с лингвистическим, социолингвистическим и в некоторых случаях — с этнолингвистическим комментарием. При публикации сохранен хронологический порядок полевого исследования:

⁸ Богданова Т. Е., Погромський В. О. Українська етнічна спільнота в Аргентині наприкінці ХХ — початку ХХІ століття // Історичний архів. 2010. № 4. С. 82–86.

⁹ Пилипенко Г. П. Южноволынский диалект украинского языка в Аргентине (Мисьонес): дневник переселенца из межвоенной Польши Кирилла Вознюка. М.: Индрик, 2021.

во II разделе рассмотрены тексты из провинции Мисьонес, в III — из штата Риу-Гранди-ду-Сул, в IV — из провинции Чако. Данные нарративы дают представление¹⁰ о функционировании, состоянии, диалектной основе и контактных явлениях в языках у представителей разных поколений славянских диаспор в обследованных регионах. Они являются уникальным свидетельством островного развития (в отдельных случаях — на протяжении более века) переселенческих славянских идиомов в романоязычном окружении стран Бразилии и Аргентины. В V разделе дается краткое заключение.

II. МИСЬОНЕС

Рассмотрим нарративы, записанные в аргентинской провинции Мисьонес. Нас будет интересовать как формальная сторона — присутствие диалектных и контактных явлений, так и содержательная¹¹. Всего в Мисьонесе было записано интервью с 12 собеседниками на украинском, польском и белорусском языках.

С информантом из Лануссе (А.Ч., муж., 81 год) проходило общение как на белорусском, так и на польском языках.

K'épsko, bo b'édnyja byl'í, málo z''aml'í m'él'í, pradál'í z''éml'u, tato pradáu, máma pradala i n'í v'ystar- xvac'ílo na na pódruš, pós'l'a moj z'áz'o pradáu svajú z''éml'u i try řaspadárk'i pradal'í pryjéxac' tud da Argentýny, náto málo z''aml'í, m'él'í, b'édnyja byl'í, i pryjéxal'í b'édnyja s''udý na Lanúsy, i astal'ís'a tútaka, bo n'í byló z'e v'ernúcca, kudý búz'e v'ertác'? Tam v Eűróp'i kup'íl'í z''éml'u. Pryv'ez''l'í jix, janý n'í znál'í kudý v'ez''l'í. Kampán'ija v'ezlá l'uz'ěj i ũsaz'íl'í s'udý da lésu, i pastáv'il'í xátku i tréba byló rubác' l'es, čýs''c''ic'', saz'ic'. Bo bajál'ís'a vájny, užé řavarýl'í što búz'e vajná, búz'e vajná, i uc''akál'í ad vajnú. I na drú'ij rok ũže načylás'a vajná, u trycac' z'ev'átomu róku, al'é janý užé byl'í tut, bo trýc'ac' vas'móm róku pryjéxal'í s'udý. Akréntam, akrént, móram, dva m'és'acy pryjéxac' aš s'udý. Máma i táto řan'íl'ís'a u B'elarus'iji, maladýja byl'í [Плохо жили, бедные были, было мало земли, продали землю, папа продал, мама продала и не хватило на дорогу, потом мой дядя продал свою землю и три хозяйства, чтобы приехать сюда, в Аргентину, слишком мало земли у них было, бедные были, приехали в Лануссе бедные, и остались здесь, потому что не было куда вернуться, куда поедет? Там в Европе купили землю. Привезли их, они не знали, куда везли. Компания везла людей, оставила их тут в лесу, поставили домик, и нужно было рубить лес. Уехали, так как боялись войны, уже говорили, что будет война, и убегали

¹⁰ Краткое в силу ограниченного объема статьи.

¹¹ Тексты, представленные в статье, отбирались по двум критериям: структурно-лингвистическому и тематическому. В них реализуются как диалектные явления, позволяющие установить исходную диалектную зону первых переселенцев, так и контактные особенности из окружающих языков. Тематически они посвящены историям семей переселенцев, традиционной культуре славянских народов и народов стран, в которых проживают наши собеседники (что наилучшим образом иллюстрирует взаимовлияние контактирующих культурных традиций), хозяйственной деятельности.

от войны. И на следующий год уже началась война, в 1939 году, а они в 1938 приехали сюда. На пароходе, по морю, два месяца, чтобы приехать сюда. Мама и папа поженились в Белоруссии, молоды были] (А.Ч., 81, муж., Лануссе, второе поколение, бел. яз.).

Родители А.Ч. переселились в Аргентину из окрестностей города Слоним. Представленный отрывок демонстрирует характерные черты гродненско-барановичской группы говоров, например, наличие заударного оканья в конечном слоге (*málo* ‘мало’, *táto* ‘папа’). Вместе с тем непоследовательно реализуется яканье: *z’amł’i* ‘земли’ (род. п. ед. ч.), но *v’ezł’i* ‘они везли’. Также речи свойственно большое количество полонизмов (так как А.Ч. владеет и польским языком), которые могут как адаптироваться под белорусскую фонетику, так и оставаться без изменений (*pódrusz* (пол. *podróż*) ‘поездка’, *akrén* (пол. *okręt*) ‘корабль’). Собеседник рассказывает о причинах эмиграции белорусов из межвоенной Польши в 1930-е гг., а также об освоении земель в Аргентине. А.Ч. упоминает плохую экономическую ситуацию и предчувствие войны в Европе.

В следующем отрывке А.Ч. рассказывает на польском языке о случае, произошедшем в июне 2024 г. в соседней провинции Корриентес: пропажу внука бабушка объясняет тем, что его украл помберо. Вера в помберо, как и в других мифологических персонажей, широко распространена на северо-востоке Аргентины. Многие потомки мигрантов также перенимают эти мифологические представления. В данном нарративе обращает на себя внимание обилие испанских элементов, как одиночных, так и пространных, которые можно считать переключением кода. При этом топонимы не подвергаются словоизменению (ср. мест. п. *f Corrientes* ‘в Корриентесе’).

Dužo luž’i v’ežo f pombero, lobizón, yaciyateré. Pombero je tak’i, muvjo že te tak’i že kradn’e ž’eč’i. Zobačy jak’e ž’ecko co on lub’i i on skradn’e i tšyama dla š’eb’e. Karm’i i tšyama *el pombero*. Tera f *Corrientes* co zg’inoł jeden xłopaček p’en’č’ lat, to bapka muv’ila že to *pomberito* vž’on. Tera ješče telev’izory pokazuju. Ješče, ma v leš’e i v žev’e ž’e je tak’e dupło, v žev’e, i on ma jeho tam tego xłopačka, jeho bapka muv’ila f *Corrientes*. To tera š’e zdažyło tera dva m’iš’oncy temu, ješče n’i zdybały, *hasta ahora no lo encontraron*. Pombero to je tak’i co, muv’i že tak’i člov’ek malutk’i, i on žyje v leš’e tylko, pombero. Tylko ž’eč’i i małe co on lub’i jak’e ž’ecko to on skradn’e i časam’i on zan’eš’e daleko! I ruž’n’ij zdybały i vruč’i ž’ecko [Много людей верят в помберо, лобисона, джасиджатере. Помберо такой, говорят, что крадет детей, увидит ребенка, который ему понравится, и украдет и держит для себя, кормит его и держит этот помберо. Сейчас в Корриентесе пропал мальчик пяти лет, бабка его сказала, что его забрал помберито. Еще в лесу у него в дереве такое дупло, и он там держит этого мальчика, его бабка говорила. Это сейчас произошло, два месяца назад, еще не нашли, до сегодняшнего дня не нашли. Помберо — это невысокий человек, он живет в лесу. И только маленьких детей он крадет и уносит далеко. Потом их находили и возвращается ребенок] (А.Ч., 81, муж., Лануссе, второе поколение, пол. яз.).

Информант О.Х. является потомком переселенцев начала XX в. из Галиции, носителей поднестровского диалекта украинского языка. В его речи находим яркие диалектные черты, например, $t' > k'$ (*št'is'k'i* — укр. *щастя* ‘счастье’), переход $a > 'e$ (*d'iwč'éta* ‘девушки’), дистантное расположение возвратной частицы $s'i$ (*perš s'i varýt* ‘сначала варится’), окончание глаголов в 3 л. ед. и мн. ч. $-t$ (*varýt* ‘варит’), специфическая лексика (*gazdá* ‘хозяин’). Для цитируемого фрагмента характерно использование испанских дискурсивов (*claro* ‘конечно’, *bueno* ‘хорошо’). О.Х. рассказывает про обычай, широко распространенный на исходной территории миграции, в Галиции: в Сочельник кутью подбрасывают к потолку, что позволяет предсказать, будут ли пчелы роиться в наступающем году¹².

My tak májím, na s'v'ityj věčir kutjá i na nový r'ik, a p'ótmu jak *claro*, jak Ardán wže. Perš s'i varýt pšenýc'u, e, a i p'ótmu s cúkrom, xto l'úbe s cúkrom, a xto z médom. *Ah bueno*, *gazdá máje wz''éty lýšku i méžy ws'imá nastójet wstáty i kutjá nabráty i do stél'i*, xto zlapáje b'il'se toj budé dúže št'is'k'i na pčóly máty, sí. [У нас так, на Сочельник кутья и на Новый год также. А потом, когда уже Богоявление. Сначала варят пшеницу, а потом с сахаром, кто любит с сахаром, а кто с медом. И хозяин должен взять ложку (кутъя) и встать между всеми, набрать ложкой кутью и кинуть до потолка. Кто поймает, у того будут пчелы хорошо роиться, да] (О.Х., 74, муж., Трес-Капонес, третье поколение, укр. яз.).

О.Х. также обращается к местным обычаям и верованиям: к гаданиям на Сан-Хуан (24.06), в самую длинную ночь в Южном полушарии. К сожалению, детально информант не проговорил весь процесс. Смысл заключается в том, чтобы воткнуть лезвие ножа в ствол бананового дерева и оставить его на определенное время. Затем следует вынуть нож и по следам от сока, выделяемого деревом, можно определить инициалы будущего супруга. Так гадали девушки.

Día de San Juan, la noche de San Juan. Banana, znájiš, plátano, banana to tóje šo, bueno, a wno jak ty pererubájiš, a vonó slezýt zára, *savia slezýt, i znáje jak, kotrá, jak to, najb'il'se slezýt to ta budé. D'iwč'éta propov'idály šo je.* [День праздника Сан-Хуан, ночь на Сан-Хуан. Знаешь банан? Хорошо. Когда его перерезаешь, он сразу же выделяет сок, сок выходит. И какой больше всего выделяет сок, то тот и будет. Девушки говорили, что есть] (О.Х., 74, муж., Трес-Капонес, третье поколение, укр. яз.).

III. РИУ-ГРАНДИ-ДУ-СУЛ

Как упоминалось выше, в Бразилии проходила работа с информантами польского и восточнославянского происхождения, опрошено 13 информантов. От поляков в Гуарани-дас-Миссойнс, месте, которое считается столицей поляков в данном регионе, были записаны нарративы про истории пе-

¹² Ср.: Валенцова М. М. Кутья // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого М.: Международные отношения, 2004. Т. 3 (К-П). С. 69-71.

расселения. Э.Г. рассказывает историю своей семьи. В его речи наблюдается ряд фонетических явлений, характерных для польских диалектов: сужение континуантов носовых (*tyś 'unc* 'тысяча'; *pam 'intal' i* 'они помнили'), наличие протетического *w* (*wokrentym* 'кораблем'), в позиции носового заднего ряда в конце слова находим сочетание *-un* (*prośun* 'они просят'). Фиксируется использование португальских лексем и выражений, в частности, при упоминании числительных.

Tutaj v *Guaran' i*, e *tyś'unc, mil novecientos cinquenta e sete, tyś'unc ž'ev'inset p'in'ž'eš'unt š'edym*. Moje *praž'atk'i* moje *čtery ž'atk'i pšyjexal'i s Polsk'i, v'jem že s tyl'i zes Baronuf i z Varšavy, to ja v'em*. Moje *ž'atk'i* navet *pam'intal'i jak pšyjexal'i wokrentym z drug'ij struny, vjele jexal'i i šystko...* Muj bože *koxany, to jexač' i š'e žegnač' na zafše, jexač' na drug'i kraj n'eznany*. [Я родился в Гуарани(-дас-Миссойнс) в 1957 году. Мои прадеды, мои четыре деда приехали из Польши, знаю только, что из Баранува и Варшавы, это я знаю. Мои деды даже помнили, как они приехали на пароходе с той стороны, они долго ехали... Боже, ехать и прощаться навсегда, ехать в другую неизвестную страну] (Э.Г., 75, муж., Гуарани-дас-Миссойнс, третье поколение, пол. яз.).

Собеседник Э.Г. говорит о широко известных на этой территории мифологических персонажах: *саси-перерé* и негритенке-пастухе. Здесь мы находим случаи использования португальских лексем.

Tyn *sasi pereré* to je *tak'i, že bodaj jedne noge ma, i to tak'i bodaj čarny byl, e, drug'e tyš š'e tak'e mito negrinho do pastoreio*. Tyn *negrinho do pastoreio, to go poťlukl'i, zab'il'i i bodaj go mrufk'i zežarły, i un, vježun tak jak gž'e človjek co zgub'i abo co, to veznun fume, maxork'i, maxorke, i žucun tam gž'e i prośun žeby to š'e nalazło, i to bodaj š'e najž'e. To negrinho do pastoreio. Mito* [Этот *саси-перерé* выглядит так, что якобы у него одна нога, и он черный. А другой миф о негритенке-пастухе. Его избили, убили и якобы его муравьи съели. И верят, если где-то человек что-то потерял, то берут табак, махорку, бросят туда и просят, чтобы нашлось, и якобы находится. Это миф о негритенке-пастухе] (Э.Г., 75, муж., Гуарани-дас-Миссойнс, третье поколение, пол. яз.).

От информантки А.Г.Л. из Кампины-дас-Миссойнс, которая считается компактным местом проживания выходцев из Российской империи¹³, также был записан нарратив на украинском языке о негритенке-пастухе. Обращает на себя внимание переключение кода при цитации в фольклорном тексте: просьба к мифологическому персонажу о помощи выражается на португальском языке.

Nu to jak *xtos' šoz' zyúbyt', taká prykaska, vjír'ut' tak, zyúbyt', to poprosý: Negrinho do pastoreio, encontra pra mim por favor, e, o que eu perdi*. I *nájde! ... n'e dáže u xát'i*. V'*in l'ubýw kurýt' toj čornén'k'ij, to kupý pap'irósy, i k'in' tam des'*. Tak *kážut' šo tája paperósa d'ínycc'a* [Ну если кто-то что-то потеряет,

¹³ См. подробнее: *Заболоцкий Ж. А. Русская иммиграция в Бразилии. «В долгий путь надежды»*. Santa Rosa/RS: Coli Grafica e Editora Ltda, 2009.

есть такая присказка, верят так, если потеряет, то попроси: Негритенок-пастух, найди для меня, пожалуйста, то, что я потерял. И найдет! ... и даже не дома. Он любил курить этот черненый, купи ему папиросы и кинь где-то там. Так говорят, что та папироса денется.] (А.Г.Л., жен., 90 лет, Кампина-дас-Миссойнс, второе поколение, укр. яз.).

От А.Г.Л. были записаны истории о народной медицине, в частности, рассказы о лечении головной боли, теплового удара. Для речи информантов характерна вариативность, например, А.Г.Л. использует формы личного местоимения 3 л. ед. ч. ср. р. *vonono/ono* 'оно'. Кроме того, в ее речи встречается форма указательного местоимения *eto* 'это' при преимущественном употреблении других форм местоимений (*to*). Особенностью некоторых информантов в Кампине-дас-Миссойнс является то, что они владеют несколькими славянскими языками. Так, А.Г.Л. говорит также по-русски.

Stávyly butýľočku z vodóju, i tr'ápočkoj(u) i tut des' užé tak, móna najtý mn'éstó, butýľočku tak šob vodá ne pot'iklá, ne, i toydá vonó st'ayló sónce, ot sónc'a yólová bol'íla, jés'a tak šo des' kupájic'a, w r'íčc'i čy u prúdu, u vod'í, tam sónce prygr'ílo, blýsnulo, i šos' i slúčyc'a tut. Tak onó st'ayáje. Éto potóyálo. [*От головной боли*] ставили бутылочку с водой и тряпочкой, тут где-то можно найти место, бутылочку так, чтобы вода не потекла. И тогда оно оттягивало солнце, от солнца голова болела, если где-то купается, в речке или в пруду, в воде, там солнце пригрело, блеснуло, и что-то случится. И оно оттягивает. Это помогало] (А.Г.Л., жен., 90 лет, Кампина-дас-Миссойнс, второе поколение, укр. яз.).

От собеседницы К.Т. участники экспедиции записали нарративы на языке, который, по всей видимости, имеет украинскую диалектную основу, однако в нем наблюдаются многочисленные русизмы, как, например, при цитациях устоявшихся выражений, которые говорили, совершая обряд засеваания на Новый год («Сею, вею, посеваю, с Новым годом поздравляю»)¹⁴. Отмечается непоследовательное аканье: *pozdaravl'ájim* 'поздравляем', *karmýt'* 'кормить', *paubyrájut'/poubyrájut'* 'поубирают'; вариативное яканье в идентичной позиции: *ws'eyó/ws'ayó* 'всего', смягчение согласных перед *i, e* (не из *ě): *wxod'íly* 'входили', *t'ip'ér'* 'теперь, сейчас' (при варианте *typér'*), личные местоимения 3 л. ед. и мн. ч. имеют формы *janó* 'оно', *janý* 'они', окончание прилагательных и местоимений во мн. ч. варьируется: *malyja* 'меленькие', но *rašč'in'anyje* 'порванные'. При этом свой язык К.Т. называет русским: *n'i pómn'u jak janó pa rúsk'i* «не помню, как оно по-русски». В приводимом отрывке находим большое количество заимствованных из португальского языка лексем, в особенности из кулинарной сферы. Данные лексемы подвергаются фонетической адаптации: португальское *feijão* 'фа-

¹⁴ См. подробнее: Агапкина Т. А. Сев ритуальный // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4 (П-С). С. 608-609.

соль' заимствуется при устранении дифтонга *ei* в первом слоге и носового дифтонга *ão* — во втором слоге: *фижон*; изначальный мужской род существительного в португальском языке сохраняется и в русском.

Na Rъžestvó borš várym i ws'eýó tak! mn'ása i ws'ayó, *kúxa* i *dósy* je ty šo ja kazála vam, *bolachinha*, us'eýó! T'ip'er' n'e, *kadáz'* buló, na Rožystvó, na Nývuj ýot, na Pásku, s'éjaly v'éjaly i pas'ívaly i z Nóvyym ýódom pozdaravl'ájim. I jak my malýja bulý, to ostaválys'. I t'ómno t'ómno, a jak palučýly tam užé brály *sakulín'ju* takúju mal'én'kuju, tam *níquel*, e, tróšk'i ýrós'iw, *mas*, takó, d'it'am! Ux! ... S'éju v'éju pas'ívaju, z Nóvyym ýódom pozdaravl'ájim. I s'éjaly s'im'inó u xát'i, tak jak užé wxod'íly u xátu, i kukurúzy, i rys, i šo buló, *f'izón*, i te, buló téje, *ararú*, to n'i znáju jak janó typér' skazát', téje, dróbn'in'k'e šo, e, cyp'l'átam karmýt', n'i pómn'u jak janó pa rúsk'i [На Рождество борщ варим, и всего так! мяса и всего, пироги и сладости есть, те, что я говорила вам, печенье, есть все! Теперь не [колядуют], когда-то было на Рождество, на Новый год, на Пасху, сеяли, веяли и посеваали, и с Новым годом поздравляем, и, когда мы маленькие были, то оставались и темно-темно, а когда получили, там уже брали мешочек такой маленький, там монета, э, немного денег, но, так детям! Ух! ... «Сею, вею, посеваю, с Новым годом поздравляю». И сеяли семена в доме, так как уже входили в дом, и кукурузу, и рис, и что было, фасоль, и это, было это *арару* <лат. *maranta arundinacea*>, это не знаю, как оно сейчас сказать, это, мелкое, что цыплят кормить, не помню, как оно по-русски] (К.Т., 72, жен., Кампина-дас-Миссойнс, третье поколение, укр. яз.).

В следующем отрывке К.Т. рассказывает о праздновании Сан-Жуана (повсеместно используется португальское наименование праздника), как это принято в обследованной нами части штата Риу-Гранди-ду-Сул. Здесь следует обратить внимание на заимствование разделительного португальского союза *ou* 'или' (фиксируется и в речи славян под влиянием испанского и итальянского языков)¹⁵.

Na *São João*, da t'ip'er' d'ét'i *mas* paubyrájucca, i š'l'ápy paubyrájut' i ad'óžu poubyrájut' i d'évačk'i dak tak'íje ad'óžy nós'at', a xlópc'i tak'íje, e, kusk'í pra-a, pašýtyje povérx, *ou* n'e to rašč'in'anyje téje jak mátuška č'i te-, máma kazála: Tréba zašýt'! A janý parazyrvájut' joó šop kras'ívo^u buló. Da t'ip'er' e, ne-e, x'ibá to kras'ívu *mas*! I s'p'ívájut' i d'ét'i *mas*! Dúže kras'ívo. My tóže tak sámó, na *São João* ad'inákvuje *kadáz'* buló da sódn'e, étyj d'en' ws'i d'ét'i ták'i dažydájut' *São João* [На Сан-Жуан до теперь дети одеваются, и шляпы надевают и одежду, и девочки такую одежду носят, а мальчики такую, куски, пошитые сверху, или если нет, то разорванные они, как мама говорила: Нужно зашить! А они разорвут ее, чтобы красиво было. До теперь, как же это красиво было! И поют дети! Очень красиво. Мы тоже так же, на Сан-Жуан, одинаково было когда-то и сегодня, этот день все дети ждут, Сан-Жуан] (К.Т., 72, жен., Кампина-дас-Миссойнс, третье поколение, укр. яз.).

¹⁵ Ср. Пилипенко Г. П. Некоторые контактнообусловленные явления в словенском диалекте долины Натизоне // *Slavia Meridionalis*. 2021. № 21. Article 2388.

IV. ЧАКО

В Саэнс-Пенье удалось записать речь потомков переселенцев (1920–1930-е гг.) черногорцев из окрестностей города Никшич. Всего записано 10 интервью с потомками черногорцев. В приводимом ниже фрагменте М.К. повествует о городе Саэнс-Пенья времен ее детства, в другом фрагменте М.К. рассказывает о гаданиях по костям забитого скота, в конкретном случае — ягненка, что в особенности распространено у южных славян¹⁶. Отметим некоторые региональные особенности в нарративах: рефлекс *ě — иекавский: *vidjela* ‘видела’, *dijete* ‘ребенок’, *svijeta* ‘народа’, при йотации фиксируется звук *ś* < *sj*: *śećam* ‘помню’, форма глагола *htjeti* ‘хотеть’: *šćeti*, звук *h* отсутствует в начале слова: *iljada* ‘тысяча’, *oće* ‘хочет’, отрицательная форма глагола *biti* ‘быть’ в 3 л. мн. ч.: *nijesu* (стандартное *nisu*), инфинитивная форма глагола без финального *-i*: *doć* ‘прийти’, *udat se* ‘выйти замуж’, употребление форм вин. п. вместо мест. п.: *vazda bio malo u drugu ulicu* «он всегда был на другой улице», пропуск вспомогательного глагола в перфекте: *kad ja bila mala* «когда я была маленькой», параллельно со стандартными формами: *ja sam imala deset godina* «мне было десять лет», региональная лексика: *vazda* ‘всегда’, *mlogo* ‘много’. Одновременно находим испанизмы, как на уровне дискурсивов (*si* ‘да’, *este* ‘это, то есть’), так и среди полнзначных слов (*intendente* ‘мэр’). Испанизмы функционируют параллельно с исконной лексикой (*plasa* — *trg* ‘площадь’). Испанизмы встраиваются в словоизменительную систему принимающего языка: *oko plase* ‘около площади’. Одновременно встречаем примеры гибридов: сербскохорватская лексема *centar* ‘центр’ при взаимодействии с испанской *centro* образуют фонетико-морфологический гибрид *sentar*¹⁷. Следует предположить влияние испанского языка при использовании формы местоимения *što* ‘что’ в функции определительного местоимения (вместо формы местоимения *koji* ‘какой, который’), как это происходит, например, в речи хорватов аргентинской провинции Санта-Фе¹⁸.

A mali, mali grad, ja se śećam od, ja sam imala deset godina, deset dvanaest godina, to je iljadu devetsto e pedeset druge, i mali grad! I sad, ima ne znam koliko stanovnika, sad ima stotinu i dvadeset iljada, stanovnika, mlogo svijeta

¹⁶ Белова О. В., Толстая С. М. Кости // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2 (Д–К). С. 627–630.

¹⁷ Можно предположить также влияние распространенного фонетического процесса — субституции звука [c] звуком [s], как это происходит в других примерах (см. ниже) (ср. также *Bilić J. B., Cúneo P., Franić I.* El croata como lengua de herencia en Argentina: entre la vulnerabilidad y el mantenimiento lingüístico // *Íkala, Revista de Lenguaje y Cultura. Medellín, Colombia. 2023. Vol. 28. Issue 1. P. 93*). Однако в данном случае лексема имеет аналог в испанском языке и не является исконной в сербскохорватском.

¹⁸ Там же. P. 95.

živi, kad ja bila mala, bio mali grad... Vazda je trg *San Martín*, i ona *plasa*, to je bilo *sentar, sentar, sí*. Malo, svi smo se poznavali, a sad, sad već. *Sí!* To je bila katolička tu vazda, i bio *este-e, banco*, crkva i škola. Stara škola. *Sí*. Tako je bio, svaki, *este*, bilo je tako, oko *plase* to kažemo mi, bio banak, crkva i škola, sve jednako. ... *A intendente vazda bio malo ovamo*, u drugu ulicu *la calle catorce*, i do dan danas je tu [Маленький, маленький город, я помню, мне было десять-двенадцать лет, это было в 1952 году, был маленький город! И сейчас я не знаю, сколько жителей, сейчас 120 000 жителей, много народу живет, когда я была маленькой, был маленький город. Всегда была площадь Сан-Мартина, и та площадь, это был центр, да. Мало, мы все друг друга знали, а сейчас уже, да. Была католическая церковь всегда, банк, церковь и школа. Старая школа. Да. Так было, около площади, это мы говорим, был банк, церковь и школа, все одинаково... А мэр всегда был немного в ту сторону, на другой улице, улица 14, и сейчас он там] (М.К., 71, жен., Саэнс-Пенья, третье поколение, серб. яз.).

Ja što sam vidjela kad sam bila mala, kad se *este* kad se jede, vazda su imali oni janje, a vidiš janje ima ovu pleće, onda neki su znali da to tumače, to na pleće oće li se rodit dijete, oće li se neko udat oženit, i na pleće isto su gledali, de, jedna kost, vidiš ona kost što ima na pleće, onda kažu, ove godine će dobro doć oni, to su tumačili, a neki nijesu šćeli nikada to gledaju zašto one kad je nešto grdno pa oni nijesu to. To se šćeam. Kad se jagnje ubije i onda i kad se naprvi da se jede [Я видела, когда была маленькой, когда ели, всегда был ягненок, а у ягненка есть лопатка, и некоторые умели объяснить по лопатке, родится ли ребенок, женится ли кто-то, на лопатку смотрели, это кость, кость на лопатке, тогда говорят, в этом году будет хорошо, это объясняли, а некоторые не хотели на это смотреть, потому что если что-то плохое выпадало, то они не хотели. Я это помню. Когда ягненка режут, тогда устраивали обед и ели] (М.К., 71, жен., Саэнс-Пенья, третье поколение, серб. яз.).

На чакре (ферме) недалеко от Саэнс-Пеньи и города Авиа-Терай (*Avia Terai*) проводилась беседа с хорватами, прибывшими с острова Вис в Далмации (Я.М., муж., 95 лет, с сыном Д.М., 67 лет, приехали в 1961 г., спустя 30 лет после того, как дед Д.М. эмигрировал в Аргентину)¹⁹. Информанты рассказали о том, как растет хлопок — основная сельскохозяйственная культура в этом регионе, как его собирали раньше и как сбор проходит в настоящее время. Согласно М. Московлевичу, говор острова Вис имеет южночакавскую основу, однако он претерпел также влияние штокавских говоров и романских языков²⁰. В приведенном ниже отрывке обнаруживаем, например, икавский рефлекс **ě*: *posli* ‘после’, *vriću* ‘мешок’, *svit* ‘люди’, хотя лексему *svijet* ‘цветок’ оба информанта произносят с иекавским континуантом **ě* (форма *svijet* в том же значении у Я.М., вероятно, вызвана

¹⁹ Единственное за время описываемой экспедиции интервью на хорватском языке, второе интервью с представителями хорватской диаспоры проводилось на испанском языке.

²⁰ *Московлевич М.* Говор острова Виса // Исследования по сербохорватскому языку / отв. ред. Р. В. Булатова. М.: Наука, 1972. С. 106–109.

субституцией звука [с] звуком [s], которая упоминалась выше, и возникла под испанским фонетическим влиянием). Отмечен случай нового ринезма в конце слова на *-n* (из *-m*): *vaⁿ* ‘вам’, где фиксируем полуназальное произношение гласного *a* и слабоартикулированный *n* после него. Пример *urejenu* ‘специальную, предназначенную для этого’ (ср. *uređen*) иллюстрирует замену *j < đ*. Был зафиксирован случай перехода [s] в [š], который Московлевич относит к влиянию венецианского произношения: *posli šu učinili*. Употребление окончания *-ega* на месте *-oga* в случае *ot tega* мы можем вслед за Московлевичем интерпретировать как сохранение исходных диалектных особенностей далматинской зоны. У Д.М. встречается форма *vrali* ‘брали’, которая является примером бетацизма, возникшего под влиянием испанского языка, причем наблюдается варьирование в пределах одного предложения: *brali* — *vrali*. Что касается лексических заимствований из испанского, в приведенном отрывке находим союзы *como* ‘как’, *pero* ‘но’; прилагательное *maduro* ‘спелый’; существительное *máquina* ‘машина’, которое встречается в неизменяемой форме с артиклем: *sa la máquina* и без него, а также в адаптированной к хорватской словоизменительной системе форме мн. ч. *máquine*. Особого внимания заслуживает отрывок, где встречаются новые заимствования — испанизмы (*como, una*) — и старый итальянизм *kapula* (от итал. *cippola* ‘лук’²¹): *Zatvoreno como una ona ne kapula*. Нами также рассматривалась интерпретация данного заимствования как фонетического варианта исп. *capullo* (м. р.) ‘бутон’. Она не подтвердилась, так как слова *una* и *ona* явным образом указывают на женский род. Кроме того, информант в этом слове четко произносит [l] (ср. произношение ll как [ʎ] или [j] в испанском языке).

Соб²²: I koliko dugo raste pamuk?

Я.М.: Tri četiri dok je za brat ga, četir mjeseca. Dok on ne... i ovaj raste i napravi svijet teži, razvire. A pamuk je, to je edan cvijet, kako bi vaⁿ reka. I onda onaj. Zatvoreno *como una* ona ne kapula. Zatvoreno i os- onda sa kad je već *maduro*, se otvara, otvori se. Otvori se i onaj pamuk izlazi, a to sa *la máquina* viene i bere, čisti.

Д.М.: Pija, pija se to vadilo sa rukiman. Svijet do- dođe pa vadi sa rukom. To je bolje bilo. Ali posli šu učinili *máquine* e-e-e što radi.

Я.М.: Brali ru- na ru- rukama se vrali ljudi. Ima ednu vreć... i onda bere i poslje praznijo i napunio vreć i tako.

Д.М.: I ovde je tako da da da pija se radilo rukaman i tako da bi ot toga je živijo puno svita. A sada *máquina* dođe i...

Я.М. Bere i nema rada.

Д.М. U jedan dan to ti digne sve i izvadi i nema ti ništa ot tega. Oni svit čeka kući. Nema rada. Ne znamo je li to za bolje ili za gorje *pero* ja znam da u druge ž- države e radi svit i ot tega živi.

²¹ Московлевич М. Говор острова Виса... С. 136.

²² Собиратель.

Соб.: Vere ručno, rukama?

Д.М.: Rukaman, da da, svit. Rukaman, to to. Kako je to se otvori na cvijet, ima ti pamuk, tako da treba uhvatit i izvadi. Izvadijo rukom. Samo pamuk. I bacu u jednu urejenu vriću.

[— И как долго растет хлопок?

— Три-четыре, пока [не придет время] собирать его, четыре месяца. Пока он не... он растет и делает цветок тяжелый, раскрывает. А хлопок — это такой цветок, как вам сказать. И тогда он... Закрыто, как эта, луковица. Закрыто и тогда, когда уже созревший, открывается, откроется. Откроется, хлопок выходит, тогда приходят с машиной и собирают, чистый.

— Раньше, раньше это собирали руками. Люди придут и достают руками. Это было лучше. Но потом сделали машины, которые работают.

— Собирали руками, собирали люди. Есть такой мешок... и вот собирает, потом опустошает и наполняет мешок, и так дальше.

— И здесь так раньше работали руками, и так этим зарабатывало на жизнь много людей. А сейчас приезжает машина и...

— Собирает, и нет работы.

— За один день соберет все и достанет, и ничего уже нет. А люди ждут дома. Нет работы. Мы не знаем, к лучшему это или к худшему, потому что я знаю, что в других странах люди работают и этим зарабатывают на жизнь.

— Собирают вручную, руками?

— Руками, да, люди. Руками, именно так. Когда раскрывается цветок, там хлопок, нужно взять его и достать. Достать рукой. Только хлопок. И положить в один специальный мешок] (Я.М., 95, муж., первое поколение; Д.М., 67, муж., Авиа-Терай, второе поколение, хорв. яз.).

Недалеко от Саэнс-Пеньи также состоялась беседа с носительницей словацкого языка²³ (М.К., ок. 90 лет, второе поколение). Ниже приведен отрывок, в котором она рассказывает о предполагаемой встрече с ловисоном (*lobizón, luisón*) — персонажем мифов индейцев гуарани, гигантским оборотнем. Считается, что им может стать седьмой родившийся в семье подряд мальчик. С точки зрения контактологии внимания заслуживает переключение кода в речи М.К. Первое переключение происходит в момент, когда собеседница испытывает трудности с названием числительного на словацком, а потому объяснение происхождения ловисона она начинает по-испански (*séptimo hijo varrón* «седьмой ребенок мальчик»), после чего применяет стратегию перевода, или пояснения (*ma bit' xlap* «должен быть мальчик»), но числительное не вспоминает, поэтому повторяет его по-испански. Подобную стратегию она применяет, когда не может подобрать словацкий вариант слова *gallinero* ‘курятник’, поэтому поясняет, что выходила *ot sliepkax* «от куриц». Здесь также примечательна измененная по правилам словацкого языка форма *s gažinera* «из курятника». Следующее переключение связано с названием процесса смены фаз луны и полнолуния. В этот раз собеседница сначала говорит *cambio de luna* ‘смена

²³ Единственное интервью на словацком языке за время описываемой экспедиции.

луны' затем конкретизирует также по-испански: *luna llena* 'полнолуние'. Наконец, отметим случай экспрессивного переключения кода, когда М.К., уже описав на словацком момент, когда перед ней прошел гигантский пес, повторяет на испанском, выделяя фразу интонационно: *sí, despacito, es un perro grande* «да, потихоньку, большая собака». Помимо лексических заимствований среди контактных явлений в данном нарративе отмечаем влияние бетацизма: *bolali* (словацк. *volali* 'звали').

Ja mislim že som ho vid'ela. Ale ňviem čo. Mislim, že som ho vid'ela. *Lobizón*. E povedaju, že bow edon tu, ako d'e je *cooperativa*. Teras ak bud'e'te preist', tak naprot'i, tag do ňej *cruce* tam bival edon, a že to *bolali lobizón*. *Séptimo hijo varrón*, ma biť xlap, *séptimo*. A to toho keď bolo *cambio de luna, luna llena, že lobizón* hod'i. Ja som mala sliepki. *Era la tarde. Más o menos* tri hod'ini. Ja som ňemala pes, psi. Som mala, *pero* ta vona jako tadi. Ja vixazam s gažinera, ako ot sliepkax, *el gallinero*. Ale edon pes, ja som ňigdaj vid'ela tak ve'lki. Ve'lki mi preiřow, preto mjou, a iřow *crúzó el patio*. A *sí, despacito, es un perro grande*. Ja som zostala. Ja som bola sama, moja *suegra* bola tu. A *siesta*, ja som tad' šla vid'e't sliepki či maji vodu [Я думаю, что я его видела. Но я не знаю, что. Я думаю, что видела. Ловисон. Да, говорят, был один здесь, где кооператив. Сейчас если будете проезжать, это напротив, до одного перекрестка, там жил один, и говорили, что это ловисон. Седьмой ребенок, мальчик, должен быть мальчик, седьмой. Это когда смена <фазы> луны, полнолуние, что ходит ловисон. У меня были куры. Была вторая половина дня. Где-то три часа. У меня не было собаки, собак. Была, но та <была> здесь. Я выхожу из курятника, от кур, курятник. Но вот — пес, я никогда не видела такого большого. Большой, прошел передо мной, перешел двор. Да, потихоньку, большая собака. Я осталась стоять. Я была одна, моя свекровь была здесь. Была сиеста, я ходила проверять, есть ли у кур вода] (М.К., 90, жен., Саэнс-Пенья, второе поколение, словац. яз.).

В провинции Чако также проводились беседы с представителями чешской диаспоры. Всего было записано 12 интервью с потомками чешских переселенцев. Так, в г. Ресистенсия исследователи пообщались с Э.В. (37 лет). Чешский язык был им усвоен от бабушки, в то время как отец информанта им не владеет. В 1931 г. бабушку Э.В. и его брата, когда детям было 3 и 4 года соответственно, из городка Полешовице на юго-востоке Моравии (совр. Злинский край) в Аргентину вывезла их тетя. Отец мальчиков, прадед Э.В., к тому времени уже работал в Саэнс-Пенья столяром на фабрике. В настоящее время Э.В. продолжает самостоятельное изучение чешского языка, в том числе благодаря посещению летних школ в Чехии. В его речи присутствует усвоенная естественным образом основа (разрушающаяся в условиях отсутствия общения на языке), из которой, однако, не представляется возможным вычлениить какие-либо специфичные моравизмы, так как на эту основу накладывается выученная самостоятельно по учебникам и на летних языковых курсах структура литературного языка. Э.В. постоянно контролирует свою речь на чешском языке: делает уточнения, самоисправ-

ления, старается пояснить значения испанских слов, когда не может подобрать чешское, либо подбирает лексемы, которые не используются другими аргентинскими чехами (напр., *pasovec* ‘броненосец’ в приведенном ниже отрывке нарратива — другим представителям диаспоры известно только местное название этого животного *tatú*). В приведенном ниже отрывке Э.В. рассказывает об охоте и приготовлении традиционных для региона блюд из капибары (исп. *carpincho* из яз. гуарани *kapi'uvva*) и броненосца (исп. *tatú*, из яз. гуарани *tatu*). Среди контактных явлений из области фонетики мы отмечаем возможную адаптацию словосочетания *tatú carreta* ‘гигантский броненосец’ (буквально «броненосец-телега») под влиянием чешской фонетики: информант произносит звук, близкий [ř] в слове *carreta*. Однако для данной фонетической реализации возможна и другая интерпретация, так как в говорах на северо-западе Аргентины для звука [r] свойственна фрикатизация в группах *rr* и *tr*, благодаря чему появляется звук, схожий с чешским [ř]. Так же, как и у других вышеупомянутых информантов, в речи Э.В. отмечается мена звуков [c] и [s], причем в рамках одного и того же нарратива (*museš — muceš; do leca — v lese*). Фиксируется явление бета-цизма (*zavit — zabilí; vojovat*, ср. чеш. *bojovat*). Для речи данного информанта также характерны некоторые черты, которые, вероятно, вызваны тем, что чешский язык усваивался в условиях недостаточной коммуникации с другими носителями чешского языка. К подобным чертам можно отнести неразличение задненебного [x] и гортанного [h] (*xodňe* вместо чеш. *hodně*), появление звука [č] на месте [x] под влиянием графической формы слова, прочитанной по правилам испанского языка (*kačna* ‘утка’, ср. чеш. *kachna*).

Э.В. Jedli co mňel' dobrý xut', *tatú carreta*.

Соб. Jak? Ješ'te jednou?

Э.В. *Tatú carreta*, nevím, jak se řekne. *Tatú, tatú*. Jo, jo, *pasovec*, ano. Tadi museli it do lesa a lovit, a říbit, a to bil xutňejší. A *carpincho, carpincho* taki je xutňejší, protože muceš vařit jako gulaš, ne gulaš, *giso*, tadi se říká *giso*, ale to je stejne no...

Соб. A jakou xut' má *carpincho*?

Э.В. Jee... jako visvjetlovál, to je maso, že maso i trošku suxe no, no. Ale muceš jako jit sam, to ne, to neňi xutňejší. Ano, musíš jit, jako připravovat, jako vařit, jako omačku.

Соб. A s čeho omačku?

Э.В. Cokoliv. No muceš omačku, omačkou, co xceš, co maš. E *carpincho*, e, nevím jak se řekne, jeleni taki, jeleni, to je xutňejší. No to vite. Jelen je v lese, lovím, lovím, potom zavit, zabit, vařím.

Соб. Xod'i se lovit *tatú* teď'ka?

Э.В. Je *xodňe*, no, je *xodňe*. Taki teď' je *xodňe* xodiš do leca, ale je, je je *xodňe*. Jeleni uš neňi tolik, protože už to jako ale je. Podle zakona uš to se nemuce lovit. Ale lovi stejne, no. To se ribi *xodňe*. Tadi mame jako ribi, *dorado*. Znete *dorado*? To je jako lev v naše *Paraná*. Je, to se říká, že lev je kral v lese. I naše kral v řece *Paraná* je *el dorado*. Poznate *dorado*?

Соб. Ano, ano.

Э.В. A taki protože je... je... agresivni, kedi si ti řibiš jako musíš vojovat. Toto je turističké to se řiví.

Соб. A česká jídla nějaká vařili? Něco tradičně českého?

Е. То же jako, типичке то же jako... jak se menova... kačna a knedliki. Ale bude tadi ne, ale tadi ne se vaří. Ale budete najít ve Saens Penje. Ale malo taki, ale málo, v domje, jenom, jenom doma, doma, jenom v domje.

[— Ели то, что было вкусным, *tatú carreta* (гигантский броненосец).

— Как, еще раз?

— *Tatú carreta*, не знаю, как это сказать, татú, татú. Да, да, броненосец, да. Здесь нужно было идти в лес охотиться и рыбачить, и это было вкусно. И капибара, капибара тоже очень вкусная, потому что ее надо готовить как гуляш, ну не гуляш, а *guiso*, тут это называется *guiso*, но это одно и то же...

— А какой вкус у капибары?

— Ну как я уже говорил, это как мясо, мясо, но немного суховатое. Поэтому его нельзя есть отдельно, это невкусно. Его надо есть, ну, готовить, варить, с соусом.

— А из чего соус?

— Из чего угодно. Но нужно соус, из чего хочешь, что есть. Капибара и... Не знаю, как называется... Олени тоже, олени очень вкусные. Ну, вы знаете. Олень в лесу, на него охочусь, охочусь потом убить, варю.

— А на броненосцев сейчас охотятся?

— Много, да, много. За ними тоже много ходят в лес, но да, да, их много. На оленей уже не так много, потому что это как... По закону на них нельзя охотиться. Но охотятся все равно. Рыбачат много. У нас здесь есть рыба, дорадо. Знаете дорадо? Она как лев в нашей Паране. Да, говорят, что лев — король в лесу. И наш король в реке Парана — дорадо. Знаете дорадо?

— Да, да.

— И так как она... агрессивная, когда ты рыбачишь, с ней надо как бы побороться. Это туристическое, рыбачат.

— А чешские блюда какие-то готовили? Что-то традиционно чешское?

— Да, из типичного, как это называется, утку и knedliki. Но здесь нет, здесь не готовят. Но в Саэнс-Пенье вы найдете <тех, кто готовит>. Но тоже мало, мало, в доме, только, только дома, только в доме] (Э.В., 37, муж., Ресистенсия, третье поколение, чеш. яз.).

Больше всего чехов в Аргентине проживает в Саэнс-Пенье. Говоря об истории переселений, в качестве исходной точки информанты часто называют город Велке-Биловице в Южноморавском крае. Однако мы также узнали, что Саэнс-Пенья стала местом назначения волн вторичных миграций: из хорватского Дарувара и Сфынта-Елены в румынском Банате, где до настоящего времени существуют чешские диаспоры²⁴, состоящие из потомков переселенцев XIX в.

²⁴ См. об этом: Борисов С. А. Чешский язык в полиэтничном окружении (обзор полевого исследования 2019 года в Сербии, Румынии, Боснии и Герцеговине) // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 310–328; Он же. Чешско-хорватские языковые контакты в центральной Хорватии на материале полевого исследования // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 5–16.

Ниже приведены отрывки интервью с двумя информантками (Р.Б., 68 лет, А.Б., ок. 94 лет), семья которых приехала в Аргентину из Сфынта-Елены. Из уже упоминавшихся фонетических явлений мы вновь наблюдаем мену [с] и [s] (*xsi* на месте чеш. *chci* ‘я хочу’; *přese* вместо чеш. *přese* ‘ведь’, *tos* на месте чеш. *tos* ‘очень’). С точки зрения переключения кода отметим встраивание синтаксических конструкций на испанском языке в чешский нарратив в ситуации, когда информантка затрудняется объяснить что-либо на чешском языке: *jeho zamňestatňi bilo d'elat de madera*. Не менее примечательной также является адаптация испанских слов в соответствии с грамматикой чешского языка, в частности, изменение по числам и падежам слова *čakra* (исп. *chacra* ‘чакра, ферма’).

Mi smo se hazali po *čakrax*, kdiž mamiňka bili... to ja sam bila mala, po *čakrax*, a mňeli smi shromažďeňi [Мы ходили по чакрам, когда еще мама была. Я тогда была маленькая, по чакрам, были у нас собрания] (А.Б., 94, жен., Саэнс-Пенья, второе поколение, чеш. яз.).

Соб. A odkud přijeli?

А.Б. Oňi přijeli. Oňi se narodili jako Rumunsko. Pak to Rumunsko ma mos mňesteček. Jedno, co voňi přijeli, to je Santa Jelena, Svata Helena. Ze Svati Heleni voňi přijeli.

Р.Б. Bila valka.

А.Б. Jo, taťinek bil ve valce taki, mňel kufri, co von uďelal.

Р.Б.: Baul, jak balixa, *pero* je to dřeveni.

А.Б.: Von d'al kola, vozi. Taťinek mňel jeho jako jeho zamňestatňi bilo d'elat, pracovat <...> *de madera*. Rozumite všecho španelski?

[– А откуда приехали (родители)?

– Они приехали... Родились они в Румынии. В Румынии много маленьких городков, и один из них, из которого они приехали, это Святая Елена. Из Святой Елены они приехали.

– Война была.

– Папа был на войне, у него были чемоданы, которые он делал.

– Баул, как баул, но деревянный.

– Он мастерил колеса, телеги тоже делал. У папы была профессия делать, работать <...> из дерева. Вы все понимаете по-испански?] (А.Б., 94, жен., второе поколение, Р.Б., 68, жен., третье поколение Саэнс-Пенья, чеш. яз.).

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полевое исследование 2024 г. позволило пополнить архив исследовательской группы новыми текстами на чешском и словацком языках, включить в исследование новый португалоязычный регион бразильского штата Риу-Гранди-ду-Сул, что будет способствовать расширению типологии выявляемых контактных явлений. Кроме того, многие тексты на славянских языках были записаны впервые, например, восточнославянские тексты из Кампины-дас-Миссойнс и от черногорских информантов из Чако. Боль-

шое количество записанных нарративов на славянских языках о местной мифологии (индейской / креольской) дает основания рассматривать ее как составную часть локальной славянской традиционной культуры. Все записанные тексты войдут в хрестоматию по славянским диалектам в странах Южной Америки.

Исследователи пришли к выводу, что славянские языки у потомков экономических мигрантов находятся в стадии угасания, практически отсутствует межпоколенческая передача языка, славянские языки функционируют только в персональном и внутрисемейном общении в редких случаях, для многих собеседников беседы с исследователями были единственной возможностью использовать славянский язык за долгое время. Лучшая сохранность языка отмечается у выходцев из сельской местности, у тех, кто сохраняет традиционное ведение хозяйства и традиционные обряды и праздники. В большинстве случаев речь идет о функционировании того или иного диалекта славянского языка, так как литературная норма славянского языка незнакома информантам. При этом их речь подвержена структурным влияниям доминирующих романских языков (как нам представляется, большему влиянию подвержен консонантизм, чем вокализм, например, фиксируется явление бетацизма, утрата затвора у аффрикаты [с] в разных славянских языках), повсеместно отмечены явления переключения кода, использование заимствованных дискурсивов.

Литература

- Агапкина Т. А.* Сев ритуальный // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общей ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4 (П–С). С. 607–609.
- Белова О. В., Толстая С. М.* Кости // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2 (Д–К). С. 627–631.
- Березнев В. И., Ясинская М. В.* Рассказы о еде у русских эмигрантов в Аргентине и Уругвае (по материалам экспедиции 2023 г.) // Живая старина. 2024. № 2 (122). С. 53–57.
- Богданова Т. Є., Погромський В. О.* Українська етнічна спільнота в Аргентині наприкінці ХХ — початку ХХІ століття // Історичний архів. 2010. № 4. С. 82–86.
- Борисов С. А.* Чешский язык в полиэтничном окружении (обзор полевого исследования 2019 года в Сербии, Румынии, Боснии и Герцеговине) // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 310–328. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2021.1-2.3.02>.
- Борисов С. А.* Чешско-хорватские языковые контакты в центральной Хорватии на материале полевого исследования // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 5–16. <https://doi.org/10.17223/15617793/486/1>.
- Валенцова М. М.* Кутья // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого М.: Международные отношения, 2004. Т. 3 (К–П). С. 69–71.

- Заболоцкий Ж. А.* Русская иммиграция в Бразилии. «В долгий путь надежды». Santa Rosa/RS: Coli Grafica e Editora Ltda, 2009.
- Московлевич М.* Говор острова Виса // Исследования по сербохорватскому языку / отв. ред. Р. В. Булатова. М.: Наука, 1972. С. 105–138.
- Пилипенко Г. П.* Некоторые контактнообусловленные явления в словенском диалекте долины Натизоне // *Slavia Meridionalis*. 2021. № 21. Article 2388. <https://doi.org/10.11649/sm.2388>
- Пилипенко Г. П.* Обзор экспедиции к восточноевропейским сообществам Аргентины и Уругвая // *Славяноведение*. 2025. № 1. С. 108–117.
- Пилипенко Г. П.* Экспедиция к славянам в Южную Америку // *Славянский альманах*. 2018. № 1–2. С. 289–300. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2018.1-2.2.05>.
- Пилипенко Г. П.* Южноволинский диалект украинского языка в Аргентине (Мисьонес): дневник переселенца из межвоенной Польши Кирилла Вознюка. М.: Индрик, 2021. <https://doi.org/10.31168/91674-654-9>.
- Bilić J. B., Cúneo P., Franić I.* El croata como lengua de herencia en Argentina: entre la vulnerabilidad y el mantenimiento lingüístico // *Íkala, Revista de Lenguaje y Cultura*. Medellín, Colombia. 2023. Vol. 28. Issue 1. P. 8–104. <https://doi.org/10.17533/udea.ikala.v27n3a04>.
- Hingarová V.* Periodizace českého (československého) vystěhovalectví v Argentině // *Argentina napříč obory: současné pohledy*. Olomouc: Univerzita Palackého, 2014. S. 157–186.
- Linde Usiekiewicz J.* Sytuacja językowa Polonii brazylijskiej // *Wybór tekstów polonijnych z Brazylii y Argentyny*, pod red. S. Dubisz. Warszawa: Elipsa, 1997. S. 23–41.
- Porada K.* La etnicidad en el espacio publico. Los descendientes de inmigrantes polacos en la Provincia de Misiones // *Runa*. 2018. Vol. 39 (2). https://www.scielo.org.ar/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1851-96282018000200002 (дата обращения 12.12.2024)
- Stojović G.* La inmigración montenegrina en Argentina y países aledaños. Estudio sobre montenegrinos en América del Sur. 2009. <https://montenegroargentina.blogspot.com/2009/08/estudio-sobre-montenegrinos-en-america.html> (дата обращения: 12.12.2024).
- Pilipenko G. P.* The Ukrainian Language in Argentina and Paraguay as an Identity Marker // *Slověne*. 2018. № 1. P. 281–307. <https://www.doi.org/10.31168/2305-6754.2018.7.1.12>.

References

- Agapkina, T. A., 2009. Ritual sowing. In: N. I. Tolstoy, ed., 2009. *Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, Vol. 4 (P–S), pp. 607–609. (In Russian)
- Belova, O. V., Tolstaya, S. M., 1999. Bones. In: N. I. Tolstoy, ed., 1999. *Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, Vol. 2 (D–K), pp. 627–631. (In Russian)

- Bereznev, V. I., Yasinskaya, M. V., 2024. Narratives about food among Russian emigrants in Argentina and Uruguay (based on the materials of the 2023 expedition). *Living Antiquity*, 2 (122), pp. 53–57. (In Russian).
- Bilić, J. B., Cúneo, P., Franić, I., 2023. El croata como lengua de herencia en Argentina: entre la vulnerabilidad y el mantenimiento lingüístico. *Íkala, Revista de Lenguaje y Cultura. Medellín, Colombia*, Vol. 28., Issue 1, pp. 8–104. <https://doi.org/10.17533/udea.ikala.v27n3a04>.
- Boganova, T. E., Pohroms'kyi, V. O., 2010. Ukrajin'ska etnichna spil'nota v Arhentyini naprykintsi XX — pochatku XXI stolittia. *Istorychnyi arkhiv*, 4, pp. 82–86.
- Borisov, S. A., 2021. Czech language and the traditional culture in the multiethnic environment (results of the field research of 2019 in Serbia, Romania, Bosnia and Herzegovina). *Slavic Almanac*, 1–2, pp. 310–328. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2021.1-2.3.02>. (In Russian)
- Borisov, S. A., 2023. Czech-Croatian language contacts in Central Croatia based on the field research. *Tomsk State University Journal*, 486, pp. 5–16. <https://doi.org/10.17223/15617793/486/1>. (In Russian)
- Hingarová, V., 2014. Periodizace českého (československého) vystěhovalectví v Argentíně. *Argentina napříč obory: současné pohledy*. Olomouc, Univerzita Palackého, pp.157–186.
- Linde Usiekiewicz, J., 1997. Sytuacja językowa Polonii brazylijskiej. In: S. Dubisz, ed., 1997. *Wybór tekstów polonijnych z Brazylii y Argentyny*. Warszawa, Elipsa, pp. 23–41.
- Moskovljević, M., 1972. *The dialect of the island of Vis*. In: R. V. Bulatova, ed., 1972. *Research on the Serbo-Croatian language*. Moscow: Nauka, pp. 105–138. (In Russian)
- Pilipenko, G. P., 2018. Expedition to the Slavs in South America. *Slavic Almanac*, 1–2, pp. 289–300. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2018.1-2.2.05>. (In Russian)
- Pilipenko, G. P., 2018. The Ukrainian Language in Argentina and Paraguay as an Identity Marker. *Slověne*, 1, pp. 281–307. <https://www.doi.org/10.31168/2305-6754.2018.7.1.12>.
- Pilipenko, G. P., 2021. Some Contact-related Phenomena in the Slovenian Dialect of the Natisone Valley. *Slavia Meridionalis*, 21, Article 2388. <https://doi.org/10.11649/sm.2388>. (In Russian)
- Pilipenko, G. P., 2021. *The South Volhynian dialect of the Ukrainian language in Argentina (Misiones): the diary of Kirill Wozniuk, a migrant from interwar Poland*. Moscow: Indrik. <https://doi.org/10.31168/91674-654-9>. (In Russian)
- Pilipenko, G. P., 2025. Review of the expedition to the Eastern European communities of Argentina and Uruguay. *Slavic Studies*, 1, pp. 108–117. (In Russian)
- Porada, K., 2018. La etnicidad en el espacio publico. Los descendientes de inmigrantes polacos en la Provincia de Misiones. *Runa*, vol. 39 (2). https://www.scielo.org.ar/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1851-96282018000200002 (accessed: 12.12.2024)
- Stojović, G., 2009. *La inmigración montenegrina en Argentina y países aledaños. Estudio sobre montenegrinos en América del Sur*. URL: <https://montenegroargentina.blogspot.com/2009/08/estudio-sobre-montenegrinos-en-america.html> (accessed: 12.12.2024).

-
- Valentsova, M. M., 2004. Kutia. In: N. I. Tolstoy, ed., 2004. *Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, Vol. 3 (K–P), pp. 69–71. (In Russian)
- Zabolotsky, J. A., 2009. *Russian Immigration to Brazil. “A Long Journey of Hope”*. Santa Rosa/RS: Coli Grafica e Editora Ltda. (In Russian)